

ДЕЛО «ЙЕРСИЛД (JERSILD) против ДАНИИ»

Постановление суда от 23 сентября 1994 г.

В деле “Йерсилд против Дании”,

Европейский суд по правам человека, заседая, в соответствии со статьей 51 Регламента Суда, в виде Большой Палаты, и составленный из следующих судей:

г-н Р. Риссдал, Председатель,

г-н Р. Бернхардт,

г-н Ф. Гелчюкю,

г-н Р. Макдональд,

г-н К. Руссо,

г-н А. Шпильманн,

г-н Н. Валतिकос,

г-н С. К. Мартенс,

г-жа Э. Палм,

г-н Р. Пекканен,

г-н А. Н. Луазу,

г-н Х. М. Моренилья,

г-н М. А. Лопес Роча,

г-н Л. Вильдхабер,

г-н Г. Мифсуд Бонничи,

г-н Й. Макарчик,

г-н Д. Готчев,

г-н Б. Репик,

г-н А. Филип, специально привлеченный судья,

а также г-н Х. Петцольд, исполняющий обязанности Секретаря-канцлера Суда,

Проведя 22 апреля и 22 августа 1994 г. совещания при закрытых дверях,

Выносит следующее Постановление, которое было принято 22 августа 1994 г.:

ПРОЦЕДУРНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Настоящее дело было передано на рассмотрение Суда Европейской комиссией по правам человека (“Комиссией”) и Правительством Королевства Дания (“Правительством”) 9 сентября 1993 г. и 11 октября 1993 г., соответственно, в течение трехмесячного срока, предусмотренного статьей 32 п. 1 и статьей 47 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (“Конвенции”). Оно возникло из жалобы (№15890/89) против Дании, поданной в Комиссию 25 июля 1989 г. датским подданным г-ном Йенсом Олафом Йерсилдом, в соответствии со статьей 25 Конвенции.

Запрос Комиссии основывался на статьях 44 и 48 и на декларации, в которой Дания признала обязательность для себя юрисдикции Суда (статья 46); обращение Правительства основывалось на статьях 44 и 48 Конвенции. Предметом запроса и обращения Правительства было получение решения по вопросу о том, свидетельствуют ли материалы дела о нарушении Государством-ответчиком своих обязательств согласно статье 10 Конвенции.

2. В ответ на запрос, сделанный в соответствии со статьей 33 п. 3 (d) Регламента Суда, заявитель сообщил о своем намерении принять участие в разбирательстве дела в Суде и назначил адвокатов для представления его в этом разбирательстве (статья 30 Регламента).

3. В состав Палаты, которая должна была разбирать дело, *ex officio* (по должности) вошли г-н И. Фойгель как избранный судья от Дании (статья 43 Конвенции), и г-н Р. Риссдал как Председатель Суда (статья 21 п. 3 (b) Регламента). Однако 20 сентября 1993 г. г-н Фойгель отказался от участия в судебном разбирательстве в соответствии со статьей 24 п. 2 Регламента. 24 сентября 1993 г. в присутствии Секретаря-канцлера Председатель путем вытягивания жребия назначил остальных 7 членов Палаты, а именно: г-на Р. Макдональда, г-жу Э. Палм, г-на Р. Пекканена, г-на М. А. Лопеса Рочу, г-на Г. Мифсуда Бонничи, г-на Й. Макарича и г-на Д. Готчева (заключительная часть статьи 43 Конвенции и статья 21 п. 4 Регламента). В своём письме от 29 октября представитель Правительства уведомил Секретаря-канцлера о назначении г-на К. Ваабена специально привлеченным судьей; в письме от 16 ноября представитель сообщил Секретарю-канцлеру, что г-н Ваабен отказался от участия в судебном разбирательстве, и потому Правительство назначило взамен него г-на А. Филипа (статья 43 Конвенции и статья 23 Регламента Суда).

4. В качестве Председателя Палаты (статья 21 п. 5 Регламента), г-н Риссдал, действуя через Секретаря-канцлера, провел с представителем правительства, адвокатами заявителя и представителем Комиссии консультации по вопросам организации судебных слушаний (статьи 37 п. 1 и 38 Регламента). По получении соответствующих предписаний, Правительство и заявитель подали в судебную канцелярию свои меморандумы 18 февраля 1994 г. и 20 февраля 1994 г., соответственно. В своем письме от 7 марта Секретарь Комиссии сообщил Секретарю-канцлеру, что представитель Комиссии не желает давать ответ в письменной форме.

5. 23 февраля 1994 г. Председатель после проведения консультаций с Палатой разрешил неправительственной правозащитной организации “Хьюман райтс уотч”, штаб-квартира которой находится в г. Нью-Йорке, представить свои соображения по отдельным аспектам дела (статья 37 п. 2 Регламента). Письменные соображения указанной организации поступили в судебную канцелярию 23 марта 1994 г.

23 февраля Палата разрешила заявителю (в соответствии со статьей 41 п. 1 Регламента) показать судьям, принимающим участие в судебном разбирательстве, видеозапись телевизионной программы, о которой идет речь в его деле. Просмотр данной видеозаписи состоялся незадолго перед слушанием 20 апреля.

6. 23 февраля Палата решила также немедленно уступить юрисдикцию в пользу Большой Палаты (статья 51 Регламента). В состав Большой Палаты, которая должна была разбирать дело, *ex officio* (по должности) вошли г-н Р. Риссдал как Председатель Суда, г-н Р. Бернхардт как заместитель Председателя Суда и другие члены Палаты, уступившей юрисдикцию. 24 февраля 1994 г. в присутствии Секретаря-канцлера Председатель путем вытягивания жребия назначил 9 дополнительных судей, призванных завершить формирование Большой Палаты, а именно: г-на Ф. Гелчюкю, г-на К. Руссо, г-на А. Шпильманна, г-на Н. Валтикоса, г-на С. К. Мартенса, г-на А. Н. Луазу, г-на Х. М. Моренилья, г-на Л. Вильдхабера и г-на Б. Репика (статья 51 п. 2 (а)-(с) Регламента).

7. В период с 22 марта по 15 апреля 1994 г. Комиссия предъявила в судебную канцелярию ряд документов и две видеокассеты, затребованные Секретарем-канцлером по поручению Председателя, а заявитель представил детализированное описание своих требований согласно статье 50 Конвенции.

8. В соответствии с решением Председателя, слушание дела проводилось публично во Дворце прав человека в Страсбурге 20 апреля 1994 г. Предварительно Суд провел подготовительное заседание.

Перед Судом предстали:

(а) со стороны Правительства -

г-н Т. Леманн, посол, юрисконсульт, Министерство иностранных дел, Представитель Правительства,

г-н М. Б. Элмер, заместитель постоянного секретаря, главный юрисконсульт, Министерство юстиции,

г-жа Й. Рехнагель, советник министра, Министерство юстиции,

г-н Й. Лундум, руководитель отдела, Министерство юстиции, Советники;

(b) со стороны Комиссии -

г-н Ц. Л. Родзакис, Представитель;

(с) со стороны заявителя -

г-н К. Бойль, барристер, профессор права университета в Эссексе,

г-н Т. Триер, адвокат, преподаватель права Копенгагенского университета, Адвокаты;

г-жа Л. Йоганнессен, юрист, Помощник.

Суд выслушал выступления г-на Родзакиса, г-на Леманна, г-на Элмера, г-на Бойля и г-на Триера, а также их ответы на заданный Председателем вопрос.

ФАКТИЧЕСКАЯ СТОРОНА ДЕЛА

I. Конкретные обстоятельства дела

9. Г-н Йенс Олаф Йерсилд - гражданин Дании, журналист, проживающий в Копенгагене. Во время событий, положивших начало настоящему делу, он находился, и до сих пор продолжает находиться, в штате Датской радиовещательной корпорации (которая наряду с радиовещанием занимается и телевизионным вещанием) сотрудником программы “Воскресный тележурнал новостей” (*Søndagsavisen*). Она известна как серьёзная телевизионная программа, предназначенная для хорошо информированной аудитории, большое внимание в которой уделяется рассмотрению широкого круга социальных и политических вопросов, в том числе таких, как проблемы ксенофобии, иммиграции и беженцев.

A. Сюжет о “зелёных куртках”

10. 31 мая 1985 г. газета “Информашон” (*Information*) опубликовала статью, в которой описывались расистские настроения группы молодых людей, называвших себя “зелёные куртки”, из Остербро в Копенгагене. В свете этой статьи редакторы “Воскресного тележурнала новостей” решили сделать документальный фильм о “зелёных куртках”. Затем заявитель вступил в контакт с представителями этой группы, пригласив троих из них вместе с г-ном Пером Аксгольтом, социальным работником местного молодежного центра, принять участие в телевизионном интервью. Во время интервью, которое проводил заявитель, трое членов указанной группы отпускали оскорбительные и пренебрежительные замечания в адрес иммигрантов и национальных меньшинств в Дании. Все это продолжалось примерно пять-шесть часов, из которых два или два с половиной часа были записаны на видеопленку. В соответствии с установленным порядком, Датская радиовещательная корпорация заплатила участникам интервью полагающееся вознаграждение.

11. В дальнейшем заявитель отредактировал и сократил сделанный из интервью фильм до нескольких минут. 21 июля 1985 г. он был передан в эфир Датской радиовещательной корпорацией как часть программы “Воскресный тележурнал новостей”. Сама программа состояла из множества разнообразных сюжетов, посвященных, среди прочего, военному положению в Африке, дискуссии о системе участия в прибылях в Дании и скончавшемуся незадолго до этого немецкому писателю Генриху Бёллю. Ниже приведена расшифровка телевизионного сюжета о “зелёных куртках” [(В): ведущий телевизионной программы; (З): заявитель; (ЗК): тот или иной представитель “зелёных курток”]:

(В) “В последние годы много говорится о расизме в Дании. В настоящее время в газетах публикуется немало статей о проявлениях недоверия и негодования, направленных против национальных меньшинств. Кто они такие - люди, ненавидящие нацменьшинства? Откуда они берутся? Каков их образ мыслей? Наш корреспондент г-н Йенс Олаф Йерсилд посетил группу экстремистской молодежи в копенгагенском районе Остербро.

(З) Флаг на стене - это флаг южных штатов времен Гражданской войны в Америке. Теперь он стал также символом расизма, символом американского движения ку-клукс-клан, и он показывает, кем являются Лилле-Стеен, Генрик и Ниссе.

Ты расист?

(ЗК) Да, я считаю себя расистом.

Быть расистом хорошо.

Мы верим, что Дания - для датчан.

(З) Генрик, Лилле-Стеен и все остальные являются членами группы молодежи, проживающей в жилом микрорайоне “Студсгердсгаде” (или “Студсен”) в копенгагенском районе Остербро. Это -государственный жилой массив, большое число жителей которого - безработные или лица, находящиеся на социальном обеспечении; уровень преступности здесь особенно высок. Некоторые молодые люди из этого района уже совершали уголовные преступления и отбывали тюремное заключение.

(ЗК) Это было обычное вооруженное ограбление автозаправочной станции.

(З) Что ты сделал?

(ЗК) Ничего. Я просто вбежал в помещение автозаправки с ... пистолетом и заставил их отдать мне деньги. Потом я убежал. Это всё.

(З) Ну а ты? Что случилось с тобой?

(ЗК) Я не хочу больше говорить об этом.

(З) Это было связано с насилием?

(ЗК) Да.

(З) Ты только что вышел из... ты был арестован. За что же тебя арестовали?

(ЗК) За хулиганство.

(З) Что ты сделал?

(ЗК) Мы с друзьями немного подрались с полицейскими.

(З) Такое случается часто?

(ЗК) Да, здесь это не редкость.

(З) В целом, около 20-25 молодых людей из “Студсена” входят в одну и ту же группировку.

Они собираются неподалеку от государственного жилого комплекса рядом со старыми домами, которые должны пойти под снос. Они встречаются здесь, чтобы укрепить свою приверженность расизму, ненависть к иммигрантам и поддержку ку-клукс-клану.

(ЗК) Ку-клукс-клан - это что-то, происходящее из Штатов в доброе старое время, когда там шла гражданская война - типа того - потому что северные штаты хотели, чтобы ниггеры стали свободными людьми. Что за чушь? Они не люди, они животные, так-то вот. То, что произошло тогда, чудовищно несправедливо. У людей должно быть право держать рабов, - так я считаю.

(З) Потому что чернокожие - не люди?

(ЗК) Конечно. Да вы сами можете увидеть это из строения их тела - большие плоские носы, уши в виде цветной капусты и т.п. Широкие головы и очень широкие тела, все покрытые волосами, - да это вылитые гориллы! Только сравните их с обезьянами - то же самое [поведение], те же самые движения, длинные руки, длинные пальцы и т.д., длинные ступни.

(З) Многие люди говорят совсем другое. Они говорят, что...

(ЗК) Возьмите фотографию гориллы, а затем взгляните на ниггера, у них одинаковое строение тела и все остальное - плоский лоб и так далее.

(З) Но ведь есть много чернокожих людей, например в США, которые выполняют важную работу.

(ЗК) Конечно, всегда есть такие, кто хочет порисоваться и выделиться - показать, что они лучше белых людей, но в общем белые люди лучше.

(З) Что для тебя значит ку-клукс-клан?

(ЗК) Очень многое, потому что я считаю правильным то, чем они занимаются. Ниггер не человек, это животное. То же самое можно сказать и о других иностранных рабочих: турках, югославах и прочих, как бы они ни назывались.

(З) Генрику 19 лет и он получает пособие по социальному обеспечению. Он снимает комнату в Студсгердсгаде. Генрик - один из самых ярых приверженцев ку-клукс-клана, он ненавидит иностранных рабочих - “перкере” [очень уничижительное слово в датском языке, обозначающее рабочих-иммигрантов].

(ЗК) Они приезжают сюда и живут за счет нашего общества. А у нас самих возникает масса проблем с тем, чтобы получить свои социальные пособия, потому что они идут иммигрантам. Черт возьми, чтобы получить свои деньги, нам приходится ругаться с этими идиотами из управления социального обеспечения, а они получают всё. Они первые в очереди на получение жилья, им дают лучшие квартиры, чем нам. Некоторые наши знакомые, у кого есть дети, живут в самых настоящих трущобах, они даже не могут установить в своих квартирах душ, а тут приезжают эти семьи “перкере” с семьей детьми, идут в это дурацкое управление соцобеспечения со всеми своими семьей детьми, и им сразу же дают дорогую квартиру. Все за них платит государство, они ничего не платят сами. Как это по-вашему, справедливо? Так быть не должно. Дания должна быть для датчан, не правда ли?

Нам не нравится то, что они - “перкере”, нам не нравится их образ мыслей и действий - я имею в виду, что... допустим, если они хотят говорить по-русски у себя дома, пусть себе говорят, никто не выступает против этого; но мне не нравится, когда они разгуливают повсюду в своих зимбабвийских одеяниях, да еще говорят на улице на этом своем языке хула-хула, а когда вы их спросите о чем-либо или сядете в одно из их такси, они говорят: “я не знаю, где это находится, вы мне покажите дорогу”.

(З) А может быть, ты просто немного завидуешь тому, что у некоторых из этих “перкере”, как вы их называете, есть свои магазинчики, автомобили и им удастся сводить концы с концами?..

(ЗК) Они продают наркотики, половина заключенных в тюрьме Вестре находятся там за наркотики. Подумайте только: половина тюрьмы Вестре - это люди, которые отбывают срок за распространение наркотиков и тому подобные вещи.

Они находятся там, все эти “перкере”, из-за наркотиков, и это факт. С этим надо покончить. В этой стране не должно быть наркотиков, но если уж без них никак нельзя обойтись, то пусть уж этим занимаемся мы сами. Я считаю несправедливым, что эти иностранцы приезжают сюда... для того, чтобы посадить датчан на наркотическую иглу, ну или типа того.

Мы красили их двери в надежде на то, что им это надоест и они уедут отсюда; мы прыгали на их машинах и бросали шарики с краской им в лицо, пока они спали в своих кроватях.

(З) Что это вы делали с этой краской - и почему вы выбрали краску?

(ЗК) Потому что это была белая краска. Я думаю, она им была к лицу - именно к этому мы и стремились.

(З) Вы бросали шарики с краской в окна семей иммигрантов?

(ЗК) Да.

(З) Что было потом?

(ЗК) Он просто получил этой краской по лицу, вот и все. Ну, я думаю, он проснулся, а потом выбежал из квартиры и закричал что-то на своем языке хула-хула.

(З) Он обратился в полицию?

(ЗК) Не знаю, сделал ли он это. Во всяком случае, этим он ничего не добился бы.

(З) Почему?

(ЗК) Я не знаю, это всё детские шалости. Другим людям бросают в лицо шарики с водой, а он получил в физиономию шариком с краской. Полиция ничего не может с этим поделать.

(З) Пер Аксгольт, известный под именем “Пакс” [(П)], работает в молодежном центре в Студсгердсгаде. Он работает здесь уже несколько лет, но многие бросают такую работу намного раньше из-за тяжелого окружения. Пер Аксгольт полагает, что причины, по которым молодые люди преследуют иммигрантов, заключаются в том, что они ощущают себя беспомощными и разочарованными.

Как вы думаете, что бы они ответили на вопрос о том, чего они хотят?

(П) Того же самого, что Вы или я. Определенного контроля над своей жизнью; работы, которая считалась бы приличной и которую бы они любили; стабильного экономического положения, нормальной семьи, жены или мужа, нескольких детей - то есть приемлемой жизни человека среднего класса, - той жизни, которую ведем мы с вами.

(З) Но они делают много таких вещей, которые, без сомнения, не позволят им добиться такой жизни.

(П) Это верно.

(З) Как вы думаете, почему они делают это?

(П) Потому что у них нет ничего лучшего, чем они могли бы заняться. Им долгое время говорили, что достичь успеха можно только с помощью денег. Они не могут заработать деньги законным способом, поэтому зачастую они пытаются получить их преступными методами. Иногда им это удается, иногда они терпят неудачу, и поэтому мы видим, что много молодых людей, находящихся в такой ситуации, попадают в тюрьму.

(З) Сколько тебе было лет, когда ты начал совершать преступления?

(ЗК) Не знаю, наверное, лет 14.

(З) Что ты сделал?

(ЗК) В первый раз? Не могу вспомнить... Не знаю... Это была кража со взломом.

(З) Есть ли у тебя то, что можно было бы назвать преступным прошлым?

(ЗК) Я не знаю, можно ли это так назвать.

(З) Ты совершил свое первое преступление, когда тебе было 14 лет.

(ЗК) Да, можно сказать и так. Я имею в виду, если это называется преступным прошлым. Если ты ведешь преступный образ жизни с 15 лет, то, наверное, ты можешь сказать, что у меня преступное прошлое.

(З) Не расскажешь ли ты про некоторые из вещей, которыми ты занимался?

(ЗК) Нет, вряд ли. Все время я делал одно и то же. Мы занимались воровством видеокассет, а нашими клиентами были “перкере”, так что у них деньжата имеются. Если люди хотят быть здесь на свободе, приятно проводить время, быть расистами, пить пиво и развлекаться, то вполне очевидно, что вам не захочется сидеть в тюрьме.

(З) Но может ли угроза тюремного наказания реально удерживать людей от совершения чего-либо незаконного?

(ЗК) Нет, не может. Тюрьма не пугает людей.

(З) Не поэтому ли мы не перестаем слышать рассказы о том, что люди в этом районе каждую ночь дерутся на ножах? Может быть, дело тут в том, что они не боятся того, что их задержит полиция?

(ЗК) Да, конечно, ничего из этого не выйдет. Я имею в виду, не будет никаких плохих последствий, так что, может быть, поэтому никто и не боится. Например, драки, удары ножами, разбивание всего, что попадется под руку... Если даже попадешь в кутузку, то

наказание будет таким смехотворно малым, что оно... я имею в виду, что... обычно нас освобождают уже на следующий день. В последний раз, когда мы устроили небольшой погром в кабаке, нас выпустили уже на следующее утро. Из этого ничего не выходит. Это нас не пугает, но нас было пятеро парней, только что вышедших из тюрьмы, и мы устроили празднество в честь последнего парня, которого выпустили вчера. Наверное, они какое-то время хотят побыть на свободе, так что, скорее всего, не станут пока совершать каких-либо серьезных преступлений.

(З) Ты хочешь вернуться в Студсгердсгаде, где прошло твое детство, но мы знаем наверняка, что это - район с очень высоким уровнем преступности. Хотелось ли бы тебе, чтобы твой ребенок рос так же, как ты?

(ЗК) Нет, и я не думаю, что она пойдет по моим стопам. Во-первых, потому что она девочка. Статистика показывает, что опасность не столь велика, я имею в виду, что они, наверное, не занимаются этим. Но если ты живешь в районе с высоким уровнем преступности, это вовсе не значит, что и сам ты станешь преступником. Я бы не допустил, чтобы она нападала на старушек и воровала их сумочки.

(З) А что, если она окажется среди тех, кто бьет иммигрантов и делает тому подобные вещи? Что тогда?

(ЗК) В этом нет ничего плохого. Я не буду иметь ничего против этого.

(З) Нам придется подождать, чтобы узнать, изменится ли менталитет этой семьи в следующем поколении. В заключение, нам хотелось бы сказать, что и в других районах Копенгагена появляются группы молодежи похожие на эту.

В. Разбирательство в Городском суде Копенгагена

12. После программы ни в Совет по радиовещанию, в компетенцию которого входит разбирательство подобных вопросов, ни в Датскую радиовещательную корпорацию не поступило ни одной жалобы, однако епископ Эльборгский подал жалобу Министру юстиции. После проведения расследования Прокурор возбудил в Городском суде Копенгагена уголовные дела против трех молодых людей, которых интервьюировал заявитель, обвинив их в нарушении статьи 266 (b) Уголовного кодекса (см. п. 19 ниже) за следующие их расистские заявления:

“...Северные штаты хотели, чтобы ниггеры стали свободными людьми. Что за чушь? Они не люди, они животные, так-то вот.”

“Возьмите фотографию гориллы, а затем взгляните на ниггера, у них одинаковое строение тела и все остальное - плоский лоб и так далее.”

“Ниггер не человек, это животное. То же самое можно сказать и о других иностранных рабочих: турках, югославах и прочих, как бы они ни назывались.”

“Нам не нравится то, что они - “перкере”, нам не нравится их образ мыслей и действий - я имею в виду, что... допустим, если они хотят говорить по-русски у себя дома, пусть себе говорят, никто не против этого; но мне не нравится, когда они разгуливают повсюду в

своих зимбабвийских одеяниях, да еще говорят на улице на этом своем языке хула-хула...”

“Они продают наркотики, половина заключенных в тюрьме Вестре сидят там за наркотики... это люди, которые отбывают срок за распространение наркотиков...”

“Они находятся там, все эти “перкере”, из-за наркотиков, и это факт.”

Против заявителя было выдвинуто обвинение на основании статьи 266 (b) в сочетании со статьей 23 (см. п. 19 ниже) в пособничестве и подстрекательстве трех молодых людей; то же самое обвинение было выдвинуто против руководителя отдела новостей Датской радиовещательной корпорации г-на Лассе Йенсена.

13. В Городском суде адвокат заявителя и г-на Йенсена призвал суд к вынесению оправдательного приговора. Он настаивал на том, что поведение заявителя и г-на Йенсена никоим образом нельзя сравнивать с поведением трех других ответчиков, взглядам которых они нисколько не симпатизировали. Заявитель и г-н Йенсен стремились всего лишь представить реалистичную картину социальной проблемы; в действительности, программа только способствовала возбуждению негодования и жалости по отношению к трем другим ответчикам, которые сами показали себя в неприглядном свете. Таким образом, в намерения Датской радиовещательной корпорации никоим образом не входило склонить зрителей к принятию мнений “зелёных курток”. Она преследовала прямо противоположные цели. В соответствии с действующим законодательством, следует делать различие между лицами, которые сделали заявления, и редакторами программы, которые пользуются особой свободой слова. Будучи на то время вещательной монополией, Датская радиовещательная корпорация была обязана сообщать обо всех мнениях, представляющих общественный интерес, таким образом, который отражал бы манеру говорящего выражать свои мысли. Общественность также была заинтересована в том, чтобы получать информацию об антиобщественных позициях и настроениях отдельных её представителей, даже если такая информация имеет весьма неприятный характер. Программа вышла в эфир в обстановке развернувшейся в прессе общественной дискуссии, примером чего явилась статья в газете “Информашон”, и представляла собой честный рассказ о подлинной жизни группы молодежи, о которой идет речь. Адвокат, сославшись, в числе прочего, на вышеупомянутую статью в “Информашон”, указал также на то обстоятельство, что в подобных случаях не прослеживается последовательной политики в том, что касается судебного преследования аналогичных публикаций.

14. 24 апреля 1987 г. Городской суд приговорил трех молодых людей: одного из них за заявление о том, что “ниггеры” и “иностранцы рабочие” - это “животные”, а двух других за их высказывания относительно наркотиков и “перкере”. Заявитель был осужден за пособничество и подстрекательство указанных молодых людей; за то же самое был осужден и г-н Йенсен как ответственный за программу. Они были приговорены к штрафу в размере 1000 и 2000 датских крон, соответственно, либо, в качестве альтернативы, к заключению сроком на пять дней.

Что касается заявителя, то Городской суд установил, что вслед за появлением в номере газеты “Информашон” от 31 мая 1985 г. статьи о “зелёных куртках”, он посетил их и после беседы с г-ном Аксольтом, в числе прочих, согласился на то, чтобы три молодых человека приняли участие в телевизионной программе. Цель программы заключалась в том, чтобы показать отношение “зелёных курток” к расизму в Остербро, о котором упоминалось в вышеуказанной статье в “Информашон”, и рассказать об их социальном происхождении и окружении. Таким образом, констатировал суд, заявитель сам взял на

себя инициативу по подготовке телевизионной программы о “зелёных куртках”, и, более того, он заранее знал, что во время интервью, по всей видимости, будут сделаны расистские заявления. Интервью длилось несколько часов, в течение которых участвовавшие в нем лица потребляли пиво, частично оплаченное Датской радиовещательной корпорацией. При этом заявитель поощрял “зелёных курток” к выражению своих расистских взглядов, которые, будучи переданы по телевидению, сами по себе составляли нарушение статьи 266 (b) Уголовного кодекса. Заявления “зелёных курток” были переданы в эфир без каких бы то ни было уравнивающих их замечаний, несмотря на то, что после съёмки видеозапись подверглась редактированию со стороны заявителя. Следовательно, он виновен в оказании пособничества и подстрекательстве к нарушению статьи 266 (b).

С. Разбирательство в Высоком суде восточных земель Дании

15. Заявитель и г-н Йенсен, но не три члена “зелёных курток”, подали апелляцию на решение Городского суда в Высокий суд восточных земель Дании. В нём они, по существу, повторили свои аргументы, высказанные в Городском суде. Кроме того, заявитель объяснил, что хотя он подозревал, что высказывания “зелёных курток” являются наказуемыми, он, тем не менее, не стал исключать их из программы, посчитав, что они имеют ключевое значение для показа реальных умонастроений членов данной молодежной группы. Он предполагал, что интервьюируемые им молодые люди знают о том, что они могут быть подвергнуты уголовному наказанию за заявления расистского характера, и поэтому не предупредил их об этом.

16. Своим решением от 16 июня 1988 г. Высокий суд пятью голосами против одного отклонил апелляционную жалобу.

Судья, заявивший особое мнение, придерживался той точки зрения, что хотя сделанные “зелёными куртками” заявления составляют согласно статье 266 (b) Уголовного кодекса преступление, заявитель и г-н Йенсен не преступили границ свободы слова, которая предоставлена телевидению и другим средствам массовой информации, поскольку целью программы было привлечение внимания общественности к определенным расистским умонастроениям и социальным истокам молодежной группы, о которой идет речь.

Д. Разбирательство в Верховном суде

17. С разрешения Высокого суда, заявитель и г-н Йенсен обжаловали решение Высокого суда в Верховном суде, который в своем решении от 13 февраля 1989 г. четырьмя голосами против одного отклонил их жалобу. Большинство судей высказало следующее мнение:

"Ответчики вызвали обнародование расистских заявлений, сделанных узким кругом людей, и таким образом сделали этих людей подлежащими наказанию. Тем самым, как установили Городской суд и Высокий суд, они нарушили статью 266 (b) в сочетании со статьей 23 Уголовного кодекса. [Мы] не считаем, что оправдание ответчиков могло бы быть обосновано аргументом защиты свободы слова в вопросах, представляющий общественный интерес, в противоположность аргумента защиты от расовой дискриминации. Поэтому [мы] принимаем решение в поддержку [обжалуемого] решения".

Судья Понтоппидан заявил в своем особом мнении:

"Цель программы заключалась в том, чтобы способствовать распространению информации о проблеме - отношении к иностранцам - которая являлась предметом широких и нередко весьма эмоциональных общественных дискуссий.

Следует отметить, что программа представила ясную картину взглядов "зелёных курток", что дало общественности возможность получить информацию и сформировать собственное мнение по данному вопросу. Принимая во внимание характер этих взглядов, любое противопоставление по ходу интервью, либо непосредственно до или после него, вряд ли бы могло быть оправданным. Хотя сюжет касался сравнительно небольшой группы людей, придерживающихся экстремистских взглядов, программа обладала достаточным уровнем новостной или информационной ценности. То обстоятельство, что обвиняемые взяли на себя инициативу обнародовать такие взгляды, не имеет особого значения для оценки их поведения. При данных обстоятельствах и независимо от того факта, что, как справедливо указал Суд, эти заявления составляют нарушение статьи 266 (b), я сомневаюсь в целесообразности признания обвиняемых виновными в пособничестве и подстрекательстве к нарушению этого положения. Поэтому я голосую в пользу оправдательного приговора в отношении обвиняемых.

18. Когда Верховный суд принимает решение по делу, в котором поднимаются важные принципиальные вопросы, согласно обычаю, один из членов большинства публикует подробное официальное изложение причин, по которым оно было принято. Следуя этой традиции, судья Германн опубликовал 20 января 1990 г. такое заявление в журнале "Юридический еженедельник" (Ugeskrift for Retsvaesen, 1989, стр. 399).

Что касается обвинительного приговора в отношении заявителя и г-на Йенсена, большинство придало большое значение тому факту, что они способствовали широкому распространению расистских высказываний. Сюжет заявителя не был прямым репортажем со встречи. Он самостоятельно вошел в контакт с тремя молодыми людьми и побудил их к произнесению заявлений вроде тех, которые были ранее сделаны ими корреспонденту "Информашон". Он знал об указанных заявлениях и, по всей видимости, ожидал повторения их в своем интервью. Заявитель сам отредактировал интервью, продолжавшееся несколько часов, и сократил сделанный из него сюжет до нескольких минут, в которых содержались преимущественно оскорбительные и пренебрежительные замечания. Заявления, которые вряд ли можно было бы считать наказуемыми согласно статье 266 (b) Уголовного кодекса, если бы они не были сделаны перед широким кругом лиц, стали явно подлежащими наказанию после того, как они были переданы по телевидению по инициативе заявителя и с согласия г-на Йенсена. Таким образом, не остается никаких сомнений в том, что они способствовали и подстрекали к распространению указанных заявлений.

Оправдательный приговор в отношении заявителя и г-на Йенсена можно было бы обосновать только причинами, явно перевешивающими неправомерность их действий. В этой связи, интерес защиты лиц, которых чрезвычайно оскорбляют эти заявления, следует сопоставить с интересом общественности в получении информации о заявлениях такого рода. Несмотря на то, что желательно создать для средств массовой информации благоприятные условия, чтобы они могли информировать население обо всем, представляющем общественный интерес, в то же время не следует забывать, что свобода печати не может быть неограниченной, поскольку свобода слова сопряжена с ответственностью.

При подведении баланса различных вовлеченных интересов, большинство придало большое значение тому обстоятельству, что заявления, которые были доведены до

широкого круга лиц, состояли из серии невразумительных, клеветнических замечаний и оскорблений, высказанных участниками незначительной группы, мнения которых вряд ли могли представлять интерес для общественности. Новостная или информационная ценность этих заявлений была недостаточна, чтобы оправдать распространение оскорбительных замечаний, и потому она не может служить основанием для оправдания обвиняемых. Это отнюдь не означает, что об экстремистских взглядах нельзя сообщать в прессе; однако делать это следует более взвешенно и всесторонне, чем имело место в рассматриваемой телевизионной программе. Также должны быть разрешены прямые передачи с собраний или встреч, представляющих большой общественный интерес.

Меньшинство, с другой стороны, посчитало, что право на информацию перевешивает интересы, защищаемые статьей 266 (b) Уголовного кодекса.

Наконец, судья Германн отметил, что во время судебного разбирательства вопрос о совместимости оспариваемых мер со статьей 10 Конвенции даже не поднимался.

II. Соответствующее национальное законодательство

A. Уголовный кодекс

19. В действовавшей на то время статье 266 (b) Уголовного кодекса предусматривалось:

"Лицо, которое публично или с намерением распространить его среди широкого круга лиц, сделает заявление или иное сообщение, угрожающее, оскорбляющее или унижающее определенную группу людей из-за их расовой принадлежности, цвета кожи, гражданства или национальности, или веры, наказывается штрафом или арестом, или лишением свободы на срок, не превышающий двух лет".

В статье 23 п. 1 говорится:

"Положение об установлении состава уголовного преступления применяется к любому лицу, которое содействовало совершению преступления путём подстрекательства, совета или действия. Наказание может быть уменьшено, если данное лицо намеревалось оказать только незначительное содействие или поддержать уже укрепившееся намерение, или если преступление не было доведено до конца, или если планировавшееся содействие потерпело неудачу".

B. Закон об ответственности средств массовой информации 1991 г.

20. Закон 1991 г. об ответственности средств массовой информации (Medieansvarsloven, 1991:348), который вступил в силу 1 января 1992 г., т.е. после событий, положивших начало данному делу, формулирует правила, касающиеся, в том числе, уголовной ответственности в отношении телевизионных передач. Статья 18 предусматривает:

"Лицо, делающее заявление во время программы, которая не идет в прямом эфире, несёт ответственность за это заявление в установленном законом порядке, за исключением случаев, когда:

(1) из программы не ясно, о каком лице идет речь; или

(2) [это лицо] не согласилось на то, чтобы его заявление было показано в программе; или

(3) [этому лицу] было обещано, что оно сможет принять участие [в передаче] без раскрытия его личности, и с этой целью были предприняты разумные меры предосторожности.

В ситуациях, описанных выше в пункте 1, абзацах (1)-(3), редактор несет ответственность за содержание заявлений даже в том случае, если нарушение закона произошло без умысла или было результатом небрежности с его стороны... "

В соответствии со статьей 22:

"Лицо, которое зачитывает вслух или каким-либо другим способом передает текст или заявление, не несет ответственности за содержание этого текста или заявления".

III. Документы Организации Объединенных Наций

21. Положения относительно запрещения расовой дискриминации и предотвращения пропаганды расистских взглядов и идей имеются в целом ряде международных документов, например, в Уставе Организации Объединенных Наций 1945 г. (п. 2 преамбулы, статьи 1 п. 3, 13 п. 1 (b), 55 (c) и 76 (c)), во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. (статьи 1, 2 и 7) и в Международном пакте о гражданских и политических правах (статьи 2 п. 1, 20 п. 2 и 26). Наиболее подходящий договор в этой области - Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. ("Конвенция ООН"), которую ратифицировало большинство государств-участников Европейской Конвенции, в том числе Дания (9 декабря 1971 г.). В статьях 4 и 5 этой Конвенции предусматривается:

Статья 4

“Государства-участники осуждают всякую пропаганду и все организации, основанные на идеях или теориях превосходства одной расы или группы лиц определенного цвета кожи или этнического происхождения, или пытающиеся оправдать, или поощряющие расовую ненависть и дискриминацию в какой бы то ни было форме, и обязуются принять немедленные и позитивные меры, направленные на искоренение всякого подстрекательства к такой дискриминации или актов дискриминации, и с этой целью они, с должным уважением к принципам, содержащимся во Всеобщей декларации прав человека, и правам, ясно изложенным в статье 5 настоящей Конвенции, среди прочего:

а) объявляют караемым по закону преступлением всякое распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти, всякое подстрекательство к расовой дискриминации, а также все акты насилия или подстрекательство к таким актам, направленным против любой расы или группы лиц другого цвета кожи или этнического происхождения, а также предоставление любой помощи для проведения расистской деятельности, включая её финансирование;

<...>”

Статья 5

“В соответствии с основными обязательствами, изложенными в ... настоящей Конвенции, государства-участники обязуются запретить и ликвидировать расовую дискриминацию во всех её формах и обеспечить равноправие каждого человека перед законом, без различия

расы, цвета кожи, национального или этнического происхождения, в особенности в отношении осуществления следующих прав:

<...>

(d) <...>

viii. права на свободу убеждений и на свободное выражение их;

<...>”

Следствия положения о “должном уважении” в статье 4 положили начало различным толкованиям, и Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации (“Комитет ООН” - учрежденный для надзора за выполнением Конвенции ООН) разделился во мнении по вопросу осуждения заявителя. Настоящее дело было представлено Датским правительством в докладе в Комитет ООН. Хотя одни члены Комитета приветствовали его как “наиболее ясное из заявлений, сделанных до сих пор в каком-либо из государств-участников, о том, что право на защиту от расовой дискриминации превосходит по важности право на свободу слова”, другие члены Комитета посчитали, что “в подобных случаях” необходимо тщательно взвешивать все факты в отношении обоих прав” (Отчет Комитета Генеральной ассамблее, Официальные документы, 45-я сессия, приложение № 18 (A/45/18), стр. 21, п. 56).

РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В КОМИССИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

22. В своей жалобе в Комиссию (№ 15890/89) от 25 июля 1989 г. заявитель утверждал, что его осуждение нарушило его право на свободу слова в соответствии со статьей 10 Конвенции.

23. Комиссия объявила жалобу приемлемой 8 сентября 1992 г. В своем докладе от 8 июля 1993 г. (сделанном согласно статье 31) Комиссия установила факты и выразила мнение, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции (двенадцатью голосами против четырех).

Полный текст выводов Комиссии и содержащихся в докладе двух особых мнений воспроизведен в приложении к настоящему Постановлению.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ В СУД ПРАВИТЕЛЬСТВОМ

24. На слушании 20 апреля 1994 г. Правительство, как и ранее в своем меморандуме, просило Суд вынести постановление о том, что не имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

Вопросы права

I. О предполагаемом нарушении статьи 10

25. Заявитель настаивал, что его осуждение и приговор за пособничество и подстрекательство к распространению расистских замечаний нарушили его право на свободу слова в смысле статьи 10 Конвенции, которая гласит:

“1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия”.

26. Правительство оспаривало это утверждение, тогда как Комиссия поддерживала его.

27. Общим в мнениях сторон является то, что меры, приведшие к возникновению дела заявителя, представляют собой вмешательство в осуществление им права на свободу слова.

Более того, данное вмешательство, несомненно, “предусмотрено законом”, т. к. осуждение заявителя основывалось на статьях 266 (b) и 23 (1) Уголовного кодекса. В этом контексте Правительство указало, что первая из них была включена в законодательство во исполнение требований Конвенции ООН. Довод Правительства, как его понимает Суд, состоит в том, что хотя статья 10 Конвенции и подлежит применению, Суд, применяя п. 2 означенной статьи, должен учитывать, что соответствующие статьи Уголовного кодекса следует толковать и применять в широком смысле в соответствии с логикой Международной Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, принятой ООН в 1965 г. (см. п. 21 выше). Другими словами, статья 10 не должна толковаться таким образом, который бы ограничивал, допускал изъятия или сводил на нет право на защиту от расовой дискриминации на основании Конвенции ООН.

Наконец, бесспорно и то, что вмешательство преследовало правомерную цель, а именно “защиту репутации или прав других лиц”.

Единственный спорный вопрос заключается в том, были ли такие меры “необходимы в демократическом обществе”.

28. Заявитель и Комиссия придерживались той точки зрения, что, несмотря на обязательства Дании как участника Конвенции ООН (см. п. 21 выше), необходимо найти справедливое равновесие между “защитой репутации или прав других лиц” и правом заявителя распространять информацию. Согласно заявителю, такой баланс намечен в одном из пунктов статьи 4 Конвенции ООН, где указывается, что “должное уважение” следует оказывать “принципам, содержащимся во Всеобщей декларации прав человека, и правам, ... изложенным в статье 5 Конвенции [ООН]”. Этот пункт был внесен при подготовке проекта документа в связи с опасением ряда государств-участников, что требование статьи 4 (a) о том, что “[Государства-участники] должны объявить уголовно наказуемым деянием всякое распространение идей, основывающихся на расовой ненависти или расовом превосходстве”, носит слишком общий характер и может вызвать трудности в отношении других прав человека, в частности права на свободу слова и

убеждений. Заявитель именно этим объяснял, почему Комитет министров Совета Европы, обратившись к государствам-участникам с призывом ратифицировать Конвенцию ООН, предложил, чтобы в акт ратификации было добавлено заявление о толковании, где подчеркивалась бы, в числе прочего, необходимость должного уважения к правам, содержащимся в Европейской Конвенции (Резолюция (68) 30, принятая заместителями министров 31 октября 1968 г.).

Заявитель и Комиссия подчеркнули, что оскорбительные замечания, рассматриваемые в контексте телепередачи, в целом скорее демонстрировали глупость их авторов и выставляли их в смешном свете, чем служили пропаганде их расистских взглядов. Общее впечатление от программы состояло в том, что она привлекала внимание населения к вопросу, имеющему большое общественное значение, а именно расизму и ксенофобии. Заявитель включил в свой сюжет оскорбительные заявления умышленно не с намерением содействовать распространению расистских представлений, а чтобы противодействовать им посредством их разоблачения. Заявитель настаивал на том, что он пытался показать, проанализировать и объяснить своим зрителям новый для Дании того времени феномен - появление у полуграмотной и социально уязвимой молодежи воинствующего расизма. Вместе с Комиссией он считал, что телепередача не могла оказать существенного отрицательного воздействия на “репутацию или права других лиц”. Интересы защиты свободы слова заявителя, таким образом, значительно перевешивали интересы защиты “репутации или прав других лиц”.

Кроме того, заявитель утверждал, что если бы Закон об ответственности средств информации 1991 г. уже вступил в силу на рассматриваемый период времени, то ему бы не грозило судебное преследование, т. к. согласно этому акту ответственность за наказуемое заявление в принципе должен нести только его автор. Это подрывает довод Правительства о том, что его осуждение требовалось по Конвенции ООН и являлось “необходимым в демократическом обществе” в смысле статьи 10.

29. Правительство, возражая, утверждало, что заявитель отредактировал телевизионный сюжет, посвященный “зелёным курткам”, в сенсационном, а не информативном ключе, и что информационная или новостная ценность сюжета была минимальной. Телевидение является мощным средством воздействия, а большинство датчан регулярно смотрят передачи новостей, в которых был показан этот сюжет. Заявитель, зная, что это может повлечь уголовную ответственность, тем не менее подстрекал “зелёные куртки” к расистским заявлениям перед телекамерой и ничего не противопоставил им в своей программе. Слишком хитроумно было бы предполагать, что зрители не примут эти замечания за чистую монету. Нельзя придавать значение тому обстоятельству, что на передачу поступило лишь небольшое количество жалоб, т. к. из-за отсутствия информации, недостаточного знания датского языка и даже из страха насильственных репрессалий со стороны воинствующих расистов жертвы оскорбительных высказываний, скорее всего, воздержались от подачи жалоб. Заявитель, таким образом, не справился с “обязанностями и ответственностью”, возложенными на него как на тележурналиста. Наложённый на него штраф находится на нижней границе шкалы санкций, применяемых за правонарушения, предусмотренные статьей 266 п. (b), и потому маловероятно, чтобы это могло утешить какого-либо журналиста, пожелавшего внести лепту в общественную дискуссию о расизме и ксенофобии; он лишь служит публичным напоминанием о том, что к расистским высказываниям следует относиться всерьёз и нетерпимо.

Более того, Правительство оспаривало утверждение, что вопрос рассматривался бы иначе, если бы в указанный период уже действовал Закон об ответственности средств информации 1991 г. Норма, согласно которой ответственность за наказуемое заявление

может быть возложена только на его автора, имеет несколько исключений (см. п. 20 выше); вопрос о том, как стало бы рассматриваться дело заявителя в соответствии с Законом 1991 г., является чисто умозрительным.

Правительство подчеркнуло, что на всех трех инстанциях рассмотрения суды Дании, которые в принципе находятся в лучшем положении, чем Европейский Суд, чтобы судить о воздействии программы на население страны, провели тщательное сопоставление всех вовлеченных в дело интересов. Проведенное судами рассмотрение аналогично тому, которое производится на основании статьи 10; их решения лежат в предоставленной национальным властям сфере усмотрения и соответствуют неотложной социальной потребности.

30. Суд хотел бы с самого начала подчеркнуть, что он полностью сознает насущную необходимость борьбы с расовой дискриминацией во всех её формах и проявлениях. Возможно, правильно, как предположил заявитель, что в результате последних событий понимание опасности расовой дискриминации сегодня острее, чем в рассматриваемый период, т. е. десять лет назад. Тем не менее, вопрос уже тогда приобрел всеобщую значимость, что иллюстрируется принятием в 1965 г. Конвенции ООН. Следовательно, цель и назначение Конвенции ООН имеют большую важность при определении того, было ли осуждение заявителя, - которое, как подчеркивает Правительство, основывалось на положении Закона, принятого, чтобы обеспечить выполнение Данией своих обязательств по Конвенции ООН, - “необходимым” в смысле статьи 10 п. 2.

Обязательства Дании согласно статье 10 должны в меру возможного толковаться таким образом, чтобы они были совместимы с её обязательствами в соответствии с Конвенцией ООН. В этой связи в задачу Суда не входит толкование положения о “должном уважении”, содержащегося в статье 4 Конвенции ООН. Однако Суд придерживается мнения, что применение в настоящем деле статьи 10 Европейской Конвенции совместимо с обязательствами Дании по Конвенции ООН.

31. Отличительной чертой настоящего дела является то, что сам заявитель не делал предосудительных заявлений, а лишь содействовал их распространению в качестве телевизионного журналиста, ответственного за программу новостей Датской радиовещательной корпорации (см. п. 9-11 выше). При оценке того, были ли его осуждение и вынесение приговора “необходимыми”, Суд, таким образом, должен будет принять во внимание принципы, установленные в его судебной практике применительно к роли прессы (как они обобщены, например, в постановлении по делу “Обсервер” и “Гардиан” от 26 ноября 1991 г. Серия А, т. 216, стр. 29-30, п. 59).

Суд вновь подчеркнул, что свобода слова является одной из главных опор демократического общества, и что предоставляемые прессе гарантии имеют особое значение (там же). На прессу возложена функция распространения информации и идей в общественных интересах, выполняя которую она не должна преступать пределов, установленных, в том числе, в интересах “защиты репутации или прав других лиц”. В то время как на прессу возлагается задача распространять такую информацию и идеи, общественности предоставляется право получать их. Если бы дело обстояло иначе, то пресса была бы не в состоянии играть свою жизненно необходимую роль “сторожевого пса общества” (там же). Эти принципы, хотя они и были сформулированы, прежде всего, в отношении печатных средств информации, без сомнения, применимы и к аудиовизуальным средствам массовой информации.

При рассмотрении “обязанностей и ответственности” журналиста важным фактором является потенциальное воздействие соответствующего средства информации; повсюду признается, что аудиовизуальные средства массовой информации часто обладают значительно более непосредственным и мощным воздействием, чем печать (см. дело *Перселлс и другие против Ирландии*, решение Комиссии о приемлемости от 16 апреля 1991 г., жалоба № 15404/89, D.R. т. 70, стр. 262). Аудиовизуальные средства информации способны с помощью образов передавать смысл, который не в силах донести печатные средства информации.

В то же время методы объективного и сбалансированного репортажа могут существенно варьироваться, в том числе в зависимости от особенностей того или иного средства массовой информации. Ни данному Суду, ни национальным судам не подобает подменять в этом вопросе своими собственными взглядами суждения прессы относительно того, к какой технике репортажа следует прибегать журналистам. В этом контексте Суд напоминает, что статья 10 защищает не только содержание выражаемых идей и информации, но и форму их передачи (см. постановление по делу *Оберилик против Австрии* от 23 мая 1991 г. Серия А, т. 204, стр. 25, п. 57).

Суду предстоит рассмотреть обжалуемое вмешательство в свете дела в целом и определить, являются ли основания, выдвигаемые национальными властями в его оправдание, соответствующими и достаточными, и были ли использованные средства соразмерны преследуемой правомерной целью (см. вышеупомянутое постановление по делу “*Обсервер*” и “*Гардиан*”, с. 29-30, п. 59). Поступая таким образом, Суд должен убедиться также в том, что национальные власти применяли нормы, соответствующие принципам статьи 10 и, более того, что их применение основывалось на приемлемой оценке обстоятельств, относящихся к делу (см., например, постановление по делу *Швабе против Австрии* от 28 августа 1992 г. Серия А, т. 242-В, стр. 32-33, п. 29).

Оценка Суда должна учитывать манеру, в которой был подготовлен телевизионный сюжет о “зелёных куртках”, его содержание, контекст, в котором он вышел в эфир, и цели телевизионной программы. Учитывая обязательства, взятые на себя государствами на основании Конвенции ООН и других международных договоров по принятию эффективных мер для ликвидации всех форм расовой дискриминации, предотвращения их распространения и борьбы с расистскими учениями и практикой (см. п. 21 выше), важным аспектом анализа Суда будет оценка того, насколько сюжет, о котором идет речь, если его рассматривать целиком, объективно способствовал пропаганде расистских взглядов и идей.

32. Национальные суды особенно подчеркивали то обстоятельство, что заявитель сам взял на себя инициативу по подготовке сюжета о “зелёных куртках”, и что он не только заранее знал, что во время интервью будут, по всей видимости, сделаны расистские заявления, но и поощрял такие заявления. Он отредактировал программу таким образом, чтобы включить в неё оскорбительные утверждения. Без его активного участия эти замечания не были бы распространены среди широкого круга лиц и не были бы, таким образом, наказуемы (см. п. 14, 18 выше).

Суд убедился, что это были надлежащие основания в целях статьи 10 п. 2.

33. С другой стороны, говоря о содержании сюжета о “зелёных куртках”, следует отметить, что ведущий начал программу с упоминания недавней дискуссии в обществе и выступлений в прессе по поводу расизма в Дании, приглашая тем самым зрителя смотреть передачу под этим углом зрения. Далее он объявил, что цель данной передачи состоит в

том, чтобы затронуть отдельные аспекты проблемы расизма путем показа ряда лиц, придерживающихся расистских взглядов, и описания их образа мыслей и социального происхождения. Нет оснований сомневаться в том, что последовавшие интервью выполнили эту задачу. Взятый в целом, данный телевизионный сюжет объективно не был похож на материал, цель которого состояла в пропаганде расистских идей и взглядов. Напротив, в нём, очевидно, проглядывало стремление при помощи интервью выставить на всеобщее обозрение, проанализировать и объяснить поведение именно этой группы молодых людей, разочарованных и недовольных своим социальным положением, склонных к насилию и уже имеющих судимости. Таким образом, были затронуты специфические аспекты проблемы, которая уже тогда вызывала большую озабоченность общественности.

Верховный Суд отметил, что новостная или информационная ценность телевизионного сюжета была недостаточна, чтобы оправдать распространение оскорбительных замечаний (см. п. 18 выше). Однако в свете принципов, изложенных выше в п. 31, Суд не видит причин для того, чтобы ставить под вопрос оценку новостной или информационной ценности оспариваемого сюжета сотрудниками редакции программы “Воскресный тележурнал новостей”, легшую в основу их решения подготовить сюжет и выпустить его в эфир.

34. Более того, следует иметь в виду, что данный сюжет был передан в эфир как часть серьёзной датской программы новостей и был рассчитан на хорошо информированную аудиторию (см. п. 9 выше).

Суд не убедил довод, также подчеркнутый национальными судами (см. п. 14 и 18 выше), что в телесюжете о “зелёных куртках” не было предпринято попыток что-либо противопоставить выраженным в нём экстремистским взглядам. Как представление сюжета телевизионным ведущим, так и поведение заявителя во время интервью свидетельствуют о том, что он отчетливо отмежевался от интервьюируемых им лиц. Например, он охарактеризовал их как “группу экстремистско-настроенной молодёжи”, сторонников ку-клукс-клана, упомянув при этом уголовное прошлое некоторых из них. Заявитель также парировал некоторые расистские заявления, напомнив, например, что есть чернокожие люди, которые выполняют важную работу. И, наконец, не следует забывать, что взятая в целом, телезарисовка показывала, что расистские заявления были только частью общей антиобщественной установки “зелёных курток”.

По общему признанию, телесюжет не напоминал специально об аморальности, опасности и противозаконности распространения расовой ненависти или идей превосходства одной расы. Однако, учитывая вышеупомянутые элементы противопоставления и ограниченные возможности краткого сюжета в рамках общей программы, а также журналистскую самостоятельность в выборе использования форм выражения, Суд не считает отсутствие таких напоминаний в профилактических целях существенным.

35. Репортажи, основанные на интервью, - неважно, отредактированных или нет, - представляют собой одно из важнейших средств, при помощи которых пресса может играть свою исключительно важную роль “сторожевого пса общества” (см., например, вышеупомянутое судебное постановление по делу “Обсервер” и “Гардиан”, стр. 29-30, п. 59). Наказание журналистов за содействие в распространении заявлений, сделанных другим лицом в ходе интервью, могло бы серьёзно помешать средствам массовой информации вносить свой вклад в обсуждение проблем, представляющих общественный интерес, если только речь не идёт об особо серьёзных ситуациях. В этом отношении Суд

не приемлет довода Правительства о незначительном размере штрафа; единственное, что имеет значение, так это факт осуждения журналиста.

Нет сомнений, что высказывания, за которые были осуждены “зелёные куртки” (см. п. 14 выше), были более чем оскорбительны для лиц, принадлежавших к тем группам, против которых они были нацелены, и что такие замечания не пользуются защитой статьи 10 (см., например, решения Комиссии о приемлемости по делу *Глимервеена и Хагенбека*, жалобы № 8348/78 и № 8406/78. D.R. 18, стр. 187; и делу *Кюнел против Германии*, жалоба № 12194/86. D.R. 56, стр. 205). Однако, даже учитывая манеру, в которой заявитель подготовил телевизионный сюжет о “зелёных куртках” (см. п. 32 выше), не было доказано, что данный телевизионный сюжет, взятый в целом, оправдывал осуждение и наказание журналиста за преступление, предусмотренное Уголовным кодексом.

36. Более того, никем не оспаривается, что заявитель при подготовке телепередачи не преследовал расистских целей. Хотя он и ссылаясь на это при разбирательстве дела внутренними судами, из мотивировочной части соответствующих судебных решений не видно, чтобы они приняли во внимание это обстоятельство (см. п. 14, 17 и 18 выше).

37. С учетом вышеизложенного, основания, выдвинутые в поддержку осуждения заявителя и вынесения обвинительного приговора, недостаточны для того, чтобы со всей убедительностью установить, что имевшее место вмешательство в осуществление его права на свободу слова было “необходимым в демократическом обществе”, а использованные при этом средства были соразмерны с преследуемой правомерной целью защиты “репутации или прав других лиц”. Соответственно, это вмешательство привело к нарушению статьи 10 Конвенции.

II. Применение статьи 50

38. Г-н Йерсилд потребовал справедливого возмещения на основании статьи 50, которая гласит:

“Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне”.

39. Правительство согласилось с частью его требований. Комиссия отказалась от каких-либо комментариев.

A. Материальный ущерб

40. Заявитель потребовал, чтобы 1000 крон - сумма наложенного на него штрафа - были возмещены Датской радиовещательной корпорацией, которая временно уплатила за него штраф.

41. Правительство не возражает, и Суд считает, что указанная сумма должна быть присуждена.

B. Моральный вред

42. Заявитель потребовал 20 000 крон в качестве компенсации за моральный вред. Он настаивал, что его профессиональной репутации был причинен вред, а сам он тяжело пережил свое осуждение.

43. Суд отмечает, что заявитель по-прежнему работает в программе “Воскресный тележурнал новостей” в Датской радиовещательной корпорации, и что его работодатель оказывал ему поддержку на протяжении судебного разбирательства, в том числе, заплатив за него штраф (см. п. 9, 40 выше) и оплатив судебные издержки (см. п. 44 ниже). Суд согласен с Правительством, что в этом отношении само установление факта нарушения статьи 10 представляет собой адекватное справедливое возмещение морального вреда.

С. Судебные издержки и расходы

44. В отношении судебных издержек и расходов заявитель потребовал:

(a) 45 000 крон за работу, сделанную его адвокатом г-ном Й. Стокгольмом в ходе разбирательства во внутренних судах;

(b) за судебные издержки, понесенные в ходе разбирательства в органах Конвенции: 13 126,80 крон для г-жи Иоганнесен, 6900 фунтов стерлингов для г-на Бойле и 50 000 крон (исключая 25 %-ный налог на добавленную стоимость) для г-на Триера;

(c) 20 169,20 кроны на покрытие расходов по письменному и устному переводу, а также за экспертные заключения;

(d) 25 080 крон, 965,40 фунта стерлингов и 4075 французских франков за транспортные расходы и расходы по проживанию, понесенные в связи со слушаниями в Комиссии и Суде, а также прочие расходы.

Часть вышеупомянутых издержек и расходов была временно оплачена Датской радиовещательной корпорацией.

45. Правительство не возражало против вышеуказанных требований. Суд считает, что заявитель имеет право на полное возмещение означенных сумм. Они должны быть увеличены в зависимости от налога на добавленную стоимость, который может быть начислен на них.

По этим основаниям Суд

1. *Постановил* двенадцатью голосами против семи, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;

2. *Постановил* семнадцатью голосами против двух, что в течение трех месяцев Дания должна выплатить заявителю 1000 (тысячу) датских крон в качестве компенсации за материальный ущерб; а за судебные издержки и расходы - сумму, которая должна быть рассчитана в соответствии с условиями, изложенными в п. 45 настоящего судебного постановления;

3. *Отклонил* единогласно оставшуюся часть требования о справедливом возмещении.

Совершено на английском и французском языках и оглашено на публичном заседании во Дворце прав человека в Страсбурге 23 сентября 1994 г.

В соответствии со статьями 51 п. 2 Конвенции и 53 п. 2 Регламента Суда к настоящему постановлению прилагаются следующие отдельные мнения:

- а. совместное особое мнение судей Риссдала, Бернхардта, Шпильмана и Луазу;
- б. совместное особое мнение судей Гельчуклю, Руссо и Валтикоса;
- с. дополнительное совместное особое мнение судей Гельчуклю и Валтикоса

Совместное особое мнение судей Риссдала, Бернхардта, Шпильмана и Луазу

1. Наш Суд впервые столкнулся с делом, касающимся распространения расистских высказываний, которые отрицают принадлежность к “человеческим существам” большой группы людей. В своих более ранних постановлениях Суд, на наш взгляд, справедливо подчеркивал большое значение для демократического общества свободы печати и средств массовой информации в целом, но ему ни разу не приходилось рассматривать ситуацию, где “репутация или права других лиц” (статья 10 п. 2) оказывались до такой степени в опасности.

2. Мы согласны с большинством (п. 35 настоящего судебного постановления), что высказывания самих “зелёных курток” “не пользуются защитой статьи 10”. То же самое должно относиться к журналистам, которые распространяют подобные высказывания с благожелательным комментарием или с одобрением. Этого однозначно нельзя сказать о заявителе. Поэтому, по общему мнению, трудно найти правильный баланс между свободой прессы и защитой других лиц. Но большинство Суда придало гораздо большее значение свободе журналиста, чем защите тех, кто вынужден страдать от расовой ненависти.

3. Как из письменного текста интервью (п. 11 судебного постановления), так и из видеофильма, который мы просмотрели, очевидно, что замечания “зелёных курток” не могут быть терпимы в обществе, основанном на соблюдении прав человека. Заявитель сократил полный текст интервью до нескольких минут, вследствие чего и даже, наверное, умышленно, в нём были оставлены самые грубые замечания. Раз это так, то было совершенно необходимо дополнить его по крайней мере четко выраженной неодобрительной фразой. Большинство членов Суда усматривает такое неодобрение в контексте всего интервью. Но это лишь толкование загадочных замечаний. Никто не может исключить, что некоторая часть аудитории нашла в данном телевизионном сюжете подтверждение своим расистским предрассудкам.

А каковы должны быть чувства тех, чьё человеческое достоинство стало мишенью и даже вовсе отрицалось “зелёными куртками”? Могло ли у них сложиться впечатление, что данная телевизионная передача содействует их защите? В подобной ситуации добрых намерений журналиста недостаточно, особенно в том случае, если он сам спровоцировал расистские заявления.

4. Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, возможно, не требует наказания журналистов, ответственных за подготовку телевизионных сюжетов такого рода. С другой стороны, в ней поддерживается та точка зрения, что средства информации обязаны занять чёткую позицию в вопросе о расовой дискриминации и ненависти.

5. Угроза расовой дискриминации и преследования в нашем обществе, конечно, является серьёзной проблемой, и Суд справедливо подчеркнул огромную важность борьбы с расовой дискриминацией во всех её формах и проявлениях (п. 30 судебного постановления). Датские суды полностью осознают, что защита лиц, чьё человеческое достоинство попирается, должна быть соотнесена с правом на свободу слова. Они тщательно проанализировали ответственность заявителя, и основания для их вывода были совершенно уместны. Защита расовых меньшинств не может быть менее значимой, чем право на распространение информации, а в конкретных обстоятельствах настоящего дела данному Суду не следовало, по нашему мнению, подменять собственным балансом конфликтующих интересов тот, что был найден Верховным судом Дании. Мы убеждены, что датские суды действовали в пределах сферы усмотрения, которая должна быть оставлена государствам-участникам в этой чувствительной области. Соответственно, решения датских судов нельзя рассматривать как ведущие к нарушению статьи 10 Конвенции.

Совместное особое мнение судей Гельчюкю, Руссо и Валтикоса

Мы не можем разделить мнение большинства членов Суда по делу Йерсилда.

Действительно, в этом деле спор идет по поводу двух важнейших принципов. Один из них - это свобода слова, нашедшая воплощение в статье 10 Конвенции, другой - запрет брать под защиту расовую ненависть, что, безусловно, является одним из ограничений, разрешенных статьей 10 п. 2, и, кроме того, служит объектом основополагающих документов по правам человека, принятых Генеральной Ассамблеей ООН, в особенности Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. Очевидно, что данная Конвенция не может игнорироваться при применении Европейской Конвенции о правах человека. Более того, она является для Дании обязательной. Ею должен также руководствоваться в своих постановлениях Европейский Суд по правам человека, в частности, в отношении содержания, которое она придает терминам, используемым в Европейской Конвенции и установленным Конвенцией в общей форме исключениям.

В деле Йерсилда сделанные расистские заявления были охотно воспроизведены в передаче Датского телевидения без какой-либо существенной реакции со стороны комментатора, что фактически равносильно подстрекательству к неуважению иностранцев вообще, а в особенности к неуважению чернокожих людей, описываемых как существа низшей, недочеловеческой расы (“ниггеры... не люди... Возьмите фотографию гориллы, а затем взгляните на ниггера, у них одинаковое строение тела... Ниггер не человек, это животное. То же самое можно сказать и о других иностранных рабочих: турков, югославов и прочих, как бы они ни назывались”).

Несмотря на то, что мы ценим особое значение, которое придают свободе слова некоторые судьи, тем более что совсем недавно их страны были её лишены, мы не можем допустить того, чтобы эта свобода распространялась и на подстрекательство к расовой ненависти, и на презрение к народам иным, чем тот, к которому мы принадлежим, и на

апологию применения насилия по отношению к указанным народам. Прозвучало требование защитить телепередачу на том основании, что она вызовет здоровую реакцию отторжения у зрителей. Но это было бы проявлением оптимизма, который, мягко говоря, опровергается опытом. Сегодня большие группы молодых людей и даже всего населения, выбитые из колеи трудностями жизни, безработицей и бедностью, жаждут только одного - найти "козлов отпущения", которых им и предлагают без каких-либо реальных слов предостережения. В данном случае - и это весьма важный момент - журналист, ответственный за подготовку передачи, о которой идет речь, не сделал никакой реальной попытки опровергнуть взгляды, представленные в передаче, что было необходимо, чтобы, по меньшей мере, уравновесить их воздействие на зрителей.

Раз это так, мы полагаем, что, приняв меры уголовного характера, более того, весьма умеренные, судебные учреждения Дании никоим образом не нарушили статью 10 Конвенции.

Дополнительное совместное особое мнение судей Гельчуклю и Валтикоса

Мы проголосовали против п. 2 постановляющей части судебного постановления, потому что мы твердо убеждены в том, что заявитель был не прав, никак не отреагировав на апологию расизма. Поэтому мы считаем неоправданным присуждение ему какой бы то ни было компенсации».

Как видно из п. 30 и 35 Суд полностью сознаёт насущную необходимость борьбы с расовой дискриминацией во всех её формах и проявлениях и ставит перед собой вопрос о том, было ли наказание журналиста, допустившего в своей телепрограмме распространение интервьюируемыми расистских высказываний, "необходимым" в смысле статьи 10 п. 2. Суд не сомневается, что высказывания показанных в программе экстремистов, были более чем оскорбительны для лиц, принадлежавших к тем группам, против которых они были нацелены, и что такие замечания не пользуются защитой статьи 10.

Суд принял во внимание принципы, ранее установленные в его судебной практике применительно к роли прессы. В частности он подтвердил, что ни ему, ни национальным судам не подобает вмешиваться в профессиональные вопросы техники репортажа и навязывать журналистам свои вкусы по этому поводу. В этом контексте Суд напомнил, что статья 10 защищает не только содержание выражаемых идей и информации, но и форму их передачи (п.31).

По мнению Суда (п.33), данный телевизионный сюжет объективно не был похож на материал, цель которого состояла в пропаганде расистских идей и взглядов. Напротив, в нём очевидно проглядывало стремление при помощи интервью выставить на всеобщее обозрение, проанализировать и объяснить поведение группы молодых людей, разочарованных и недовольных своим социальным положением, склонных к насилию и имеющих прежнее судимости. Никем не оспаривалось, что журналист при подготовке телепередачи не преследовал расистских целей (п.36).

Наказание журналистов за содействие в распространении заявлений, сделанных другим лицом в ходе интервью, могло бы серьёзно помешать средствам массовой информации вносить свой вклад в обсуждение проблем, представляющих общественный интерес, если только речь не идёт об особо серьёзных ситуациях (п.35).

Суд постановил, что основания, выдвинутые в поддержку осуждения журналиста и вынесения обвинительного приговора, недостаточны для того, чтобы установить, что имевшее место вмешательство в осуществление его права на свободу слова было “необходимым в демократическом обществе”, а использованные при этом средства были соразмерны с преследуемой правомерной целью защиты “репутации или прав других лиц”. Соответственно, решил Суд, произошло нарушение статьи 10 Конвенции (п.37).

Суд присудил возмещение Данией журналисту материального ущерба, судебных издержек и расходов.

© Перевод Института проблем информационного права (г.Москва), 2002